

Николаева, Т. М.: *От звука к тексту*, Москва: Языки русской культуры, 2000, 679 стр.

Рецензируемый сборник включает сорок работ известного лингвиста, члена-корреспондента Российской Академии Наук, сотрудника Института славяноведения Татьяны Михайловны Николаевой. Книга вышла в серии “Язык. Семиотика. Культура”, издаваемой А. Д. Кошелевым, где публикуются также сборники, в которых представлены самые значительные исследования современных лингвистов (в основном московской школы).

Т. М. Николаева – автор большого количества исследований (около 400, в т. ч. более 10 монографий). Наиболее известными среди них являются сравнительно-типологические исследования по славянской интонации: *Интонация сложного предложения в славянских языках* (1969), *Фразовая интонация славянских языков* (1977) и *Просодия Балкан* (1996). Т. М. Николаевой принадлежат и фундаментальные исследования в области славянских частиц (например, *Функции частиц в высказывании*, 1985), а также лингвистики текста и поэтики (например, *Слово о полку Игореве. Лингвистика текста и поэтика*, 1997 и *Слово о полку Игореве и пушкинские тексты*, 1997).

Рецензируемый сборник является итогом последних 25 лет научной деятельности Т. М. Николаевой; наиболее актуальные работы этого периода автором были значительно переработаны и обновлены.

Книга разделена на три части. Первая и вторая из них являются собственно лингвистическими: в той и в другой автор, начиная с исследований звуковой стороны речи, переходит к грамматике и, наконец, углубляется в проблемы текста.

В первой части – ‘Человек манипулирует языком’ –, состоящей из 14 параграфов, излагаются теоретические результаты лингвистических исследований автора, в то время как отдельные, конкретные наблюдения лишь иллюстрируют общие положения. Работы этой части объединены общим принципом, а именно поиском того, каким образом говорящий использует язык для разных коммуникативных целей, т. е. как он “валоризирует” языковой материал, трансформируя конкретные языковые единицы в единицы, получившие осмысление (т. е. валоризацию) в данной языковой системе, путем создания бинарных оппозиций.

Первый параграф является своего рода вступительным. В нем автор излагает общие теоретические предпосылки, в частности, объясняет различие между понятиями “валоризированная система” и “эмпирическая система”.

Второй параграф посвящен теоретическим проблемам, касающимся языковой эволюции. Само название параграфа – ‘Диахрония или эволюция?’ – показательно и в то же время программно. Отталкиваясь от традиционных позиций компаративистов-диахронистов, автор подчеркивает однонаправленный характер языкового развития, а также единообразный принцип эволюции, полностью принимая типологическую теорию, которая ищет универсалии в диахронии. Т. М. Николаева выдвигает гипотезу о том, что языковая эволюция является результатом двух универсальных тенденций языка: тенденции к компрессии и тенденции к суперсегментации как средства передачи все большего числа информации в единицу времени. Среди многочисленных явлений, которые автор приводит для подтверждения этого, стоит упомянуть редкое употребление посессивов в современном русском языке по сравнению со старославянским (этой теме посвящен весь десятый параграф). Параграф заканчивается разделом, который называется ‘Какие же языковые компоненты можно считать исходными?’ В этом заключительном разделе ставится вопрос о том, что вообще в языке можно считать первичным и что вторичным, т. е. следствием результата языковой эволюции (так, например, по мнению автора, многие “первичные” частицы восходят к застывшим формам местоимений).

Далее, в третьем параграфе, Т. М. Николаева переходит к обсуждению просодических проблем. Прежде всего словесное ударение рассматривается как факт поздней валоризации, т. е. как результат длительной эволюции: автор выдвигает гипотезу о существовании “доударных” языков, в которых словесное ударение еще не валоризовалось (не фонологизировалось). Для подтверждения этого автор подвергает диахроническому анализу большой объем разнообразного языкового материала.

Затем автор переходит к проблеме акцентного выделения и отличия его от фразового ударения, особо указывая на то, что, если уровень фразовой интонации является нормативным и обязательным и без него фраза не может существовать, то уровень акцентного выделения является дополнительным и служит основным просодическим средством для создания дополнительных, вторичных смысловых строк (модуляций).

Вслед за этим, в пятом параграфе, автор раскрывает коммуникативные функции акцентного выделения, рассматривая такие понятия, как “контраст”, “важность”, “эмфаза”, “актуальное членение” и, наконец, “введение в экстраординарную ситуацию”.

Проблема акцентного выделения остается в центре внимания также и в следующем параграфе, в котором Т. М. Николаева, анализируя частицы, показывает, что эти формы, сопровождаемые акцентным выделением, являются еще одним способом формирования дополнительных смысловых строк.

Далее анализируется просодия в ее применении к прозаической и поэтической строке: выдвигается гипотеза о том, что стихотворная строка является первичной по отношению к просодии прозы.

Прежде чем перейти к исследованиям, посвященным грамматическим вопросам, Т. М. Николаева предлагает еще одну работу, посвященную просодии, а именно восьмой параграф, где анализируется изменение просодических моделей (от музыкального ударения к динамическому) в латинском и греческом языках.

В девятом параграфе автор продолжает анализ способов построения дополнительных “смысловых строк”, касаясь проблемы первичной и вторичной семантики грамматических категорий. Исследователь подвергает анализу русские неопределенные местоимения, а также посессивы с их дополнительными прагматическими коннотациями. Особенно интересным, на наш взгляд, является раздел о функции неопределенных местоимений.

Целиком посессивам посвящен следующий параграф – ‘История одного посессива – стремление к языковой компрессии’, в котором рассматривается история положения посессива *свой* в словосочетаниях с именем в русском языке от древнерусского периода до конца XVIII в. Отмечается исконное (первичное) количественное преобладание конструкции N + *свой* (т. е. постпозиция *свой*) в качестве нейтральной конструкции, в то время как препозиция посессива сигнализирует маркированную конструкцию. Со временем первичная, нейтральная конструкция постепенно уступила место маркированной: данные второй половины XVIII в. показывают уже победу препозитивной структуры *свой* + N (или потерю функциональной маркированности). Автор интерпретирует эти данные, анализируя эволюцию в истории русского языка, линейной структуры иных словосочетаний, также выражающих посессивность, а именно адъективных и генитивных. Эти словосочетания также изменили свой внутренний порядок (который в начале был противоположным порядку словосочетаний с местоимением *свой*): нейтральная, первич-

ная для древнерусского языка, препозиция типа *Петров дом* или *Петра дом* постепенно уступила место сегодняшней, регулярной постпозиции типа *дом Петра*, *дом соседа* и т. д. Это движение словопорядка в русском языке, как отмечает автор, нельзя объяснить без обращения к положениям универсальной грамматики – прежде всего к той ее части, которая описывает функции порядка слов.

В последних параграфах рассматриваются речевые стереотипы, которые также могут создавать, по мнению автора, дополнительный смысл, как, например, понятие “лингвистическая демагогия” как средство убеждения собеседника и, наконец, ментальные стереотипы.

Во второй части книги – ‘Язык – разгадки и загадки’ –, включающей пятнадцать параграфов, рассматриваются конкретные языковые факты сквозь призму изложенной в первой части теории. Другими словами, как указывает автор во вступлении, эта часть нацелена на анализ формальных средств языка и их способность описывать единицы действительности. Темы примерно те же самые, что и в первой части книги (это исследования о просодических единицах, о частицах, о показателях определенности/неопределенности и проч.), но, в то время как в первой части сборника они трактовались с целью раскрыть процесс валоризации, здесь они анализируются сами по себе.

Во втором параграфе рассматриваются проблемы интонации. Как уже было сказано, данной теме Т. М. Николаева посвятила множество известных работ экспериментального характера. Особенно интересным является первый раздел, в котором автор различает три интонационных слоя звучащей фразы, а именно: универсальный слой, слой словесной просодии и третий интонационный слой. Первый из них – это слой, присущий всем языкам: в каждом языке ритм способен отличать главное от второстепенного, в то время как мелодия способна подчеркивать логические связи с предыдущим текстом. Второй слой (слой словесной просодии) по-разному реализуется в различных языках и включает в себя такие явления, как присутствие в языке фиксированного или нефиксированного ударения, долгота, тональная система и т. д. Наконец, третий интонационный слой включает в себя интонацию, характеризующую данный язык. Его существование подтверждается возможностью влияния интонации одного языка на интонацию другого языка (см., например, влияние немецкого языка на словенский или венгерского на словацкий). Очень интересным, на наш взгляд, является также следующий раздел, посвященный “компенсационному закону” А. М. Пешковского (или, точнее, как определяет сам Пешковский, “принципу замены”): за-

кон подтверждается полученными автором результатами экспериментального анализа.

Следующий параграф посвящен типологическому анализу основных интонационных моделей славянских и балканских языков. Вслед за этим рассматривается проблема так наз. “неоштокавского сдвига” в рамках проблемы загадочной балканской просодии.

В пятом параграфе обсуждаются просодические проблемы, касающиеся не уровня фразы, а скорее слова и словосочетания. В первом разделе рассматривается словесное ударение: путем экспериментального анализа того, как расставляют ударение носители русского языка в неизвестных им иностранных словах, подтверждается гипотеза о существовании “сильных” гласных (а именно, непередние, длительные гласные *a, o, y*), которые притягивают словесное ударение. Следующий раздел посвящен просодическому статусу русского именного словосочетания, а именно анализу соотношений лексического ударения и пиков интенсивности.

В шестом параграфе рассматриваются правила русской пунктуации. Автор показывает, что пунктуационные знаки не только отражают интонационную схему фразы, но и выполняют коммуникативную задачу, способствуя организации дискурса. Этим параграфом завершаются исследования уровня просодии и осуществляется переход к изучению уровня фразовой организации.

После рассмотрения вопросов об указателях межфразовой связи следуют пять параграфов (8–12), посвященных семантике и формальному функционированию частиц. Эти параграфы взяты из книги автора *Функции частиц в высказывании* (1985).

Особенно интересным и оригинальным является десятый параграф, посвященный так наз. славянскому “партикульному фонду”. В нем отмечается среди прочего, что многие славянские партикулы возводятся к застывшим падежным формам индоевропейских относительных или указательных местоимений и что категория определенности/неопределенности в широком смысле являлась основной семантической категорией славянских партикул. Как замечает Т. М. Николаева, партикулярный фонд можно считать и “ключевым пластом лингвистической системы в целом – ключом и к синхронии, и к диахронии, и, быть может, к великой тайне происхождения языка” (стр. 303).

Три параграфа (13–15) затрагивают тем или иным образом проблему “картины мира”. В них проводится анализ посессивов, качественных прилагательных, а также анализируется грамматика паремий. Результатом данного анализа является описание как русской картины мира, так и славянской вообще.

В третьей части книги – ‘Язык манипулирует текстом’, – состоящей из десяти параграфов, содержатся исследования по лингвистике текста, в которых автор показывает эффективность теории московской семиотической школы.

Первый параграф – ‘Общие положения. Единицы языка и теория текста’ – представляет собой теоретическое введение. В нем излагаются принципы лингвистики текста и ее эволюции. Из литературных источников, рассматриваемых в этой части книги, особого внимания заслуживает *Слово о полку Игореве*, которому, как уже было сказано, автор посвятила много интересных исследований. Стоит упомянуть, например, четвертый параграф, посвященный противопоставлению “Русские – Половцы” в тексте, и шестой об употреблении антитезы и повтора как текстовых скреп. Изучается также присутствие мотивов *Слова* в пушкинских текстах и т. д. Особенно интересным является параграф, посвященный проблеме употребления звуковых единиц (например, аллитерации). Анализируются и другие языковые единицы – такие как частицы. См., например, оригинальный разбор употребления межфразовой частицы *a* в одной из знаменитых песен Булата Окуджавы. Анализ, раскрывающий внутренний, скрытый смысл произведения, является настоящим детективом (между прочим это характерно для анализа любого произведения, предлагаемого в этой части книги).

Большой интерес представляет также анализ таких произведений, как драма *Юлий Цезарь* Шекспира (речь Марка Антония над гробом Цезаря как средство убеждения), романа *Манон Леско* аббата Прево в связи с функцией чисел, а также романа *Евгений Онегин* Пушкина, в котором желание раскрыть загадочные черты характера Татьяны Лариной приводит автора к интересной гипотезе о влиянии романа *Адольф* Б. Констанана на произведение Пушкина. И, наконец, стоит отметить еще работу, посвященную проблеме функции метатекста в тексте (анализ проведен на материале Мариинского евангелия).

Огромная библиография (более восьмисот названий) свидетельствует о большой осведомленности автора и ее ориентации на новейшие достижения современной лингвистики.

Завершает книгу приложение, в котором содержится список публикаций Т. М. Николаевой.

Мы отдаем себе отчет в том, что предлагаемая рецензия дает лишь общее представление о количестве и разнообразии рассмотренных автором тем, об актуальности и оригинальности их научной трактовки. К сожалению, многое остается невысказанным. Однако хочется

все-таки надеяться, что данный обзор вызовет у читателя интерес к этой важной и весьма полезной книге.

Università di Padova
rosanna.benacchio@unipd.it

ROSANNA BENACCHIO